

Попав во дворец, надлежало отбросить все личные мысли и устремления, строго отделяя общественное от частного. Нельзя было допустить, чтобы неудачи в личной жизни влияли на исполнение служебных обязанностей, приводя к небрежности или самоуправству. В данный момент важнейшим государственным делом было открытие пограничных рынков. Хотя окончательное решение оставалось за императором, если министр финансов, ведающий казной, будет против, то при необходимости расходов возникнут трудности. Главной целью визита Сяо Юя во дворец была как раз консультация с государем о том, кто мог бы стать наиболее подходящим посредником для переговоров. Оба они вспомнили об одном человеке — старом друге министра финансов Ляо Чжисиня. Они познакомились в годы юности, пережили вместе трудные времена, и их связывала крепкая, проверенная невзгодами дружба. Если в этом мире и был кто-то, способный повлиять на Ляо Чжисиня, то только он. Кандидат был, однако найти его оказалось непросто. Много лет назад тот оставил чиновничью службу, занялся торговлей, уехал в Западный край, в Даши, и с тех пор между ними не было никакой переписки. Разыскать его теперь было сложно, а даже найдя, нельзя было ручаться, согласится ли он написать письмо, чтобы убедить старого друга. Пограничные дела были неотложными — могли ли они позволить себе ждать? В конце концов император властно положил конец дискуссии: указ об открытии рынков надлежало издать немедленно, а уж с Ляо Чжисинем и прочими сановниками, гражданскими и военными, можно было разбираться постепенно, находя к каждому подход и действуя поодиночке.

Из дворца Сяо Юй вышел уже давно, но возвращаться не хотелось. Не хотелось ни в величественное, но пустынное поместье князя Су, ни в тот маленький двор, где его никто не ждал. Он отправился в «Тяньцзюйхэ» — старинный ресторан шаньдунской кухни. Раньше его отец часто приводил сюда его с матерью. Заказывали несколько фирменных блюд, подогревали кувшин вина хуадио или тусу, и втроём, сидя за столом, они чувствовали себя семьёй. Теперь он был один. Всё равно заказал те блюда, что любили родители, взял кувшин хуадио, три пары палочек, три пиалы риса, три чашки вина. Затем медленно ел и пил, с полудня до самого вечера. Лишь тогда расплатился и отправился с Восточной улицы, где стоял ресторан, в переулок Цзюйэр, где находился его дом. Вина он выпил изрядно, но опьянения так и не наступило. Ох, если бы удалось напиться, вернуться и заснуть мёртвым сном — хотя бы во сне было теплее, и не ощущалось бы такого одиночества. Он был подобен одинокому дикому гусю, отбившемуся от стаи.

Сяо Юй вернулся в своё жилище уже глубокой ночью. Весь дворик погрузился во тьму. Хотя в глубине души ещё теплилась слабая надежда, при виде этой непроглядной черноты на сердце стало невыразимо горько — он не придёт. Все его боялись, кто же тогда придёт? Не придёт теперь, не придёт и в будущем, быть может, уже никогда в жизни. На ощупь пробравшись во внутренние покои, нащупав и зажёгши светильник, он, не снимая сапог и верхней одежды, повалился на кровать. Натянул одеяло на голову, целиком скрывшись в темноте. Крепко он не спал уже несколько дней, голова гудела от усталости, но едва закрывал глаза, как в мозгу начинала метаться куча мыслей — и о делах службы, и о личном, всё спутывалось в один тугой клубок, и заснуть становилось ещё труднее. Так, мучаясь, он пролежал с ночи до самого рассвета, и лишь под утро забылся тяжёлым дремотным сном. И тотчас ему приснился его маленький Лицзы. Тот, что во сне, был куда смелее и покладистее реального, ни в чём ему не перечил. Попроси Сяо Юй пожить вместе — и он без колебаний ложился с ним на одну кровать, сам снимал одежду, обнимался, ласкался... Сладость была неопишуемая. Просыпаться ему совсем не хотелось.

Но кто-то стащил с него одеяло, закрывавшее голову, принялся хлопать по щекам, не давая

спать. С огромным усилием он разлепил веки и увидел: тот самый голый во сне человек теперь снова был одет, причём одет основательно, не оставляя открытым ни клочка кожи. В полудрёме он пробормотал:

— Лицзы... зачем ты оделся? Поспи со мной ещё немного, ну?

Тот залился румянцем, шлёпнул его по щеке — не сильно, но и не слабо — и тихо, но сурово прикрикнул:

— Ты что, совсем сонный? Какую чушь несёшь?

Он всё ещё пытался цепляться за сон:

— Лицзы, не сердись, послушай. Я правда хочу тебя, столько раз думал — взять силой или подсыпать снотворного, чтобы мы могли побыть вместе несколько раз, а то я вечно голодный, изнываю от тоски...

— Если не заткнёшь свою грязную пасть, больше ничего не принесу!

Влюблённому глаз как у орла: в глазах Сяо Юя его Лицзы был несравненной красоты, притягательным, на него можно было смотреть бесконечно. Он, конечно, продолжал:

— Лицзы, почему ты не хочешь быть со мной? Если бы мы оба желали этого, как было бы хорошо! Уехали бы на юг, нашли бы тихий городок с простыми нравами, я бы рыбачил в море, а ты дома готовил бы мне еду... А ребёнка можно было бы взять на воспитание у твоих брата или сестры. Семья втроём — было бы и весело, и уютно... Скажи, почему ты не соглашаешься?

Эти слова Сяо Юй никогда не смог бы вымолвить в трезвом уме. Лишь в полусне, обращаясь к человеку, которого не мог разобрать — то ли это видение, то ли явь, — он отважился на такой бред.

«Лицзы» почувствовал от него тяжёлый перегарный дух и понял: этот человек наверняка снова вчера напился, и хмельной бред тянется с вечера до утра. Пьяный, спящий, он и человека перед собой от чёрта не отличит. Если дать ему волю, хорошего не жди! «Лицзы» вышел, принёс таз с ледяной водой, с трудом выжал промозглую от холода тряпицу и, не говоря ни слова, шлёпнул ею по лицу «огненного каштана». Тот вздрогнул от холода, ёк — из огненного каштана он мигом превратился в ледышку, хочешь не хочешь, а просыпайся.

— ...Зачем пришёл? Разве сегодня в отделении семьи Ляо не было работ?

Проснувшись, он попытался из бормочущего во сне «огненного каштана» вновь превратиться в хмурого генерала Сяо. Задача была не из лёгких: сделаешь неловко — выйдешь дураком и в собственных, и в чужих глазах.

— ...Потом от хозяев пришло распоряжение: у старшей невестки радостное событие, в

ближайший год нельзя начинать строительство, так что сроки отодвинули.

На самом деле он вспомнил: через два дня у этого человека день рождения. С детства тот был нелюдимым, в императорской столице почти не было у него по-настоящему близких друзей. Неужели оставить его одного, чтобы он «составлял компанию собственной тени»? Как ни крути, к «плохим людям» его не причислишь, хотя и «хорошим» не назовёшь. Учитывая лишь тот поступок, что он совершил по отношению к нему, его нельзя было отнести и к «добропорядочным». Скажем так: это был недобрый человек, зашедший в тупик, отчаянно требующий от него того, что он, возможно, никогда в жизни не сможет дать. Да ещё и такой, что пристал — и не отвяжешь, умело пользующийся его мягкосердечием. Стоило ему заметить малейшую слабину, крошечную щёлочку в его душе, как тот тут же изо всех сил норовил влезть, непременно стремясь захватить в его сердце местечко побольше, пошире, насколько возможно. А самое трудное было в том, что этот человек не боялся ни холодного приёма, ни дурного обращения, ни разочарования. Открытое неприятие со стороны семьи Ляо он игнорировал, горькую правду из его уст также не принимал близко к сердцу. Но если его ранили, он нарочно показывал ему свои окровавленные раны, свою боль и терпение. Этого он не скрывал — именно чтобы вызвать в нём «жалость». Он не мог с ним тягаться, раз за разом поддаваясь жалости, никак не мог собраться с духом и разорвать связь окончательно. Оставался недорубивший, и он с тоской наблюдал, как между ними запутанный клубок вновь и вновь «возрождается от весеннего ветра».

— М-м, раз дел нет, вот и вспомнил обо мне? — Генерал Сяо, получив своё, ещё и ехидничал, не боясь спугнуть того, о ком день и ночь грезил.

— ...Послезавтра у тебя день рождения, пришёл спросить, что хочешь поесть. — Ляо Цюли пропустил его колкости мимо ушей, перейдя сразу к сути.

— В день рождения кормить будут во дворце, домой не вернусь. — В душе у генерала Сяо накопилось раздражение, и он, не подумав, солгал. Такой упрямый нрав сам себе создавал проблемы. Только что губы шевельнулись, слова вылетели — и тут же последовало раскаяние.

— ...Что ж, тогда утром приготовлю тебе лапшу долголетия, как знак внимания. — Ляо Цюли подумал, что это логично. Всё-таки этот человек — член императорской фамилии, в день рождения император может пригласить его на трапезу, это обычное дело. Во дворец обычно являются после открытия ворот, к началу часа змеи, завтракать всё равно нужно. Сварю лапшу — и будет выражена моя забота, достаточно.

— Накануне я останусь ночевать во дворце, не вернусь. — Рот генерала Сяо действовал сам по себе, наперекор мозгу. Он всё изворачивался, говорил не то, что думал, и, ругая себя, продолжал гнуть свою линию.

— А, ну тогда ничего. Раз есть кому позаботиться — и хорошо. Тогда я пойду. — Ляо Цюли по-прежнему легко верил ему на слово. Что бы тот ни сказал, он принимал за чистую монету. Раз есть кому отметить с ним день рождения — значит, ему можно не беспокоиться. И это тоже было хорошо.

<http://bllate.org/book/15507/1377443>